524 3/55

8 24 5/2

МОСКОВСКІЕ

ЧЕМПІОНЫ-СИЛАЧИ.

МОСКВА.
Тип. И. Я. Полякова. Покровка, Лялинъ пер., д. № 13.
1899.

МОСКОВСКІЕ

ЧЕМПІОНЫ-СИЛАЧИ.

МОСКВА.
Тип. И. Я. Полякова. Покровка, Лялинъ пер., д. № 13
1899.

Дозволено цензурою. Москва, марта 2 дня 1899 года.

Гос. [illegible] Б-ка
Инвент. № 22779
20/IV 1936 г.

МОСКОВСКІЕ ЧЕМПІОНЫ-СИЛАЧИ.

Это труженики...

Цѣлый день они, бѣдные, ворочаютъ тяжести, стараются, пыхтятъ и необходимо, ибо если атлетъ хоть одинъ день не потренируется гирями, то у него уже опадаютъ „бицепсы“ (мускулы на рукахъ, въ видѣ твердыхъ, какъ сталь шишекъ), а борецъ не тренируясь борьбой, такъ же хоть одинъ день, теряетъ обычную ловкость. И начнетъ какой нибудь рьяный атлетъ съ ранняго утра ворочить пуды, и такъ бѣдняжка намучается, что еле до постели доберется, заснетъ богатырскимъ сномъ, и тогда около него, хоть изъ пушекъ пали—не услышитъ!.. Словно таракановъ въ домѣ неряшливой хозяйки „развелось“ атлетовъ въ Москвѣ, куда не посмотри—все атлетъ!.. И сейчасъ-же узнаешь

его, и отличишь отъ обыкновеннаго смертнаго, по медвѣжьей походкѣ, по грубой манерѣ. Идетъ атлетъ по улицѣ обыкновенно такъ: грудь выставитъ впередъ, плечи поднимет какъ-то, чтобы были широки, и словно медвѣдь переваливаясь съ ноги на ногу, безъ разбора претъ на встрѣчнаго. Такъ ходятъ большею частью ученики-атлеты, которые не обладая еще удивительной силой, хотятъ казаться страшными силачами. Но эта принужденная манера, сейчасъ-же видна и возбуждаетъ не удивленіе какъ на дѣйствительно-рѣдкостнаго силача Моора, у котораго грудь „колесомъ“ и плечи“ въ саженъ“, а смѣхъ, и всякій посмотритъ, посмотритъ вслѣдъ „поддѣльному“ силачу, который такъ и дуется, словно лягушка въ баснѣ Крылова, и пойдетъ посмѣиваясь надъ нимъ. Среди всѣхъ атлетовъ существуетъ весьма оригинальный, никому кромѣ ихъ, невѣдомый языкъ. Такъ, напримѣръ: если одинъ атлетъ поднялъ тяжесть больше другого, то говоритъ:—„я ему налилъ“. Если-же атлетъ хочетъ поднять тяжесть, которую раньше не поднималъ, то говоритъ:—„дай попробую стегану“. Во время борьбы, чтобы какъ нибудь свалить противника на земь, атлеты го-

ворятъ борцу:—„загни его (такимъ-то) трикомъ“. Всѣ эти „налить“, „загнуть“, „стегануть“—говорятся только между атлетами, которые привыкли изъясняться между собою на этомъ языкѣ, что не рѣдко даже, при объявленіи публикѣ на отлетическихъ вечерахъ, о поднятіи тяжестей однаго атлета больше другого, ошибкой употребляли свои „атлетическія“ оригинальныя слова, и публика, не понимая значенія этихъ словъ, съ минуту находилась въ недоумѣніи, а затѣмъ отъ души смѣялась, повторяя слово „налилъ“. Какъ-то давно, въ одной изъ дачныхъ мѣстностей прилегавшихъ къ Москвѣ, состоялся „конкурсъ“ въ поднятіи тяжестей, между двумя знаменитыми силачами причемъ одинъ изъ нихъ, поднявши больше другого, хоть на одинъ фунтъ—получалъ „первенство“, а главное—массивный золотой жетонъ, за который въ любомъ ломбардѣ дадутъ хорошія денежки. Какъ видно обоимъ силачамъ нужны были деньги, и они оспаривая другъ у друга жетонъ, долго пыхтѣли, ломались, и напыхтѣвшись, и наломавшись вдоволь, наконецъ кончили состязаніе. Объявить публикѣ имя силача, получившаго „первенство“, вышелъ на сцену какой-то безусый юноша,

по всему вѣроятію, тоже чемпіонъ-атлетъ, судя по его пиджаку съ широкими поддѣланными плечиками, и махнувши „могучею“ рукою, подалъ знакъ музыкѣ прекратить игру. Воцарилось гробовое молчаніе. Всѣ насторожили уши, и вотъ среди мертвой тишины, раздался громкій, отчетливый голосъ атлета:

— Господа, атлетъ-борецъ (такой-то), атлету-борцу (такому-то), „налилъ“ на два съ половиной фунта!..

Это „налилъ“ такъ показалось публикѣ смѣшнымъ, что всѣ разразились громкимъ хохотомъ, а юноша-атлетъ, понявши свою ошибку, и сильно переконфузясь, улепетывалъ со сцены... Подниманіе тяжестей атлеты раздѣляютъ на всевозможныя названія, какъ-то:—„толканіе“, „выжиманіе“, „выбрасываніе“ и т. д.

„Выжимать“ атлеты любятъ все, что только подъ руку подвернется... Я, напримѣръ знаю одного „чемпіона“, который, чтобы привыкнуть „работать на сценѣ съ людьми“—ежедневно „выжимаетъ“ свою толстую, жирную кухарку, которая до обѣда вѣситъ около семи пудовъ. Неправда-ли, читатель, сильный атлетъ!.. Вѣдь семь-то пудовъ не „маковое зер

нышко", да притомъ еще, кухарка-то его, при „выжиманіи" визжитъ до невозможности, ботается и руками и ногами, а это что нибудь да вѣситъ!.. Другой „чемпіонъ", по примѣру могучаго Милона Кротонскаго, который, начавши носить на себѣ теленка, дошелъ до того, что уже легко потомъ таскалъ корову, — также ежедневно таскаетъ на своихъ плечахъ поросенка, извѣстной „іоркширской" породы, и такъ-же какъ Милонъ надѣется дойти до того, что будетъ таскать на себѣ цѣлую свинью огромнаго вѣса, и непремѣнно хочетъ „работать" съ ней на сценѣ, и удивлять такимъ невиданнымъ, оригинальнымъ номеромъ своихъ товарищей-атлетовъ и зрителей, которые безъ сомнѣнія, за такую геніальную выдумку устроятъ ему шумную, прешумную аваціо, и атлетъ со свиньей, будутъ всюду пользоваться огромнѣйшимъ успѣхомъ!..

Атлетику, особенно не любятъ и презираютъ родители какого-нибудь „чемпіона", который страшно надоѣдаетъ разными „выжиманіями," „толканіями", и благодаря подобнымъ глупостямъ, нерѣдко бросаетъ службу, ученіе,

всецѣло посвящая себя только атлетическому искусству, которое всегда почти, увлеченныхъ имъ, приводитъ къ печальнымъ послѣдствіямъ, и человѣкъ мало-мальски умный, занимаясь подъемомъ тяжелыхъ гирь, въ самое короткое время теряетъ послѣдній, какой есть умишко, и тупѣетъ до невозможности. Одинъ купецъ разсказывалъ мнѣ, что у него три сына, всѣ взрослые, но ни одного изъ нихъ нѣтъ помощника старику-отцу въ его торговыхъ дѣлахъ.

— Одинъ сынъ,—разсказывалъ онъ, чуть не плача,—съ ранняго утра только и знай занимается пробованіемъ силы... То съ дворникомъ схватится на кулакахъ бороться, того гляди дворникъ то Никита, малый здоровенный, всѣ кости ему переломаетъ... То схватитъ двухъ-пудовую гирю, и ну ее кверху подбрасывать!.. А намедни взялъ, да всѣ скобки у дверей поломалъ... Вотъ, говоритъ, папаша, сила то!.. Другой тоже, по цѣльнымъ днямъ ѣздитъ на елосипедѣ, заслужилъ названіе какого-то шампиньона, и ужъ радъ до безумія!.. А третій, младшій сынъ, недавно медалю золотую получилъ... какому-то тамъ англичанину въ кіятрѣ всю морду въ кровь расколо-

тилъ, а дома теперь, только и знай ко всѣмъ съ кулаками лѣзетъ... я, говоритъ, знаменитый бокцеръ!.. супротивъ меня никто не выстоитъ, любому „банокъ“ наставлю!.. Давай, говоритъ, съ тобой, отецъ, бокцемъ!.. Чистая бѣда!.. наказалъ меня Господь сыновьями то!.. Прямо даже и непохожи на благородныхъ сыновей первой гильдіи Московскаго купца, а такъ какіе-то абормоты-дурачье!.. Зналъ-бы, ежели, что не-люди изъ нихъ выйдутъ, такъ ей-Богу пришибъ бы, какъ только на свѣтъ Божій появились!.. Срамятъ они меня, своимъ дурачествомъ, прямо срамятъ!.. Вчера, напримѣръ, приходитъ сосѣдъ съ жалобой: уйми, говоритъ, Филимонъ Захаровичъ, своего лоботряса-то, связался съ моимъ сынишкой на кулачки, и всего въ синяки исколотилъ... Я вотъ его, къ мировому, въ „киты“ за драку-то!.. Сталъ я говорить своему бокцеру-то, а онъ только ухмыляется, да кулаки сучитъ... Вотъ и поживи, вотъ и порадуйся на сынковъ непутевыхъ... Знать ужъ послѣдній вѣкъ отживаемъ, коли разные поганые атлеты, да бокцеры появились на свѣтъ, чего до прежде и въ поминѣ не было...—заключилъ раздосадованный купецъ и простясь со мною, понуря голову, побрелъ въ свою лавку...

Но рьяные атлеты такъ любятъ атлетику и такъ увлеклись ею, что и противъ воли родителей занимаются подъемомъ гирь, и несказанно бываютъ рады, когда черезъ мѣсяцъ, а иногда и болѣе,—„выжмутъ“ и „побьютъ“ свой прежній рекордъ на нѣсколько фунтовъ. Этой необыкновенной радостью, атлетъ старается сейчасъ же подѣлиться съ товарищемъ.

— Васька!.. Я сегодня увеличилъ рекордъ по „толканію“ на семь фунтовъ...—съ сіяющимъ отъ радости лицомъ, говоритъ одинъ атлетъ, пришедшему къ нему другому атлету.

— А ты, братъ, меня поздравь...—въ свою очередь сообщаетъ тотъ, загадочно улыбаясь.

— Что такое?..

— Взялъ на „бицепсъ“ шесть пудовъ!.. Всемірный рекордъ побилъ, чортъ возьми!..—торжественно объявляетъ онъ, и радъ, страшно радъ!..

— Да ну?.

— Ей Богу!..—и „бицепсистъ“, чтобы увѣрить товарища, даже крестится.

— Такъ ты значитъ жетонъ теперь получишь, и вѣроятно золотой?..

— Ужъ получилъ, братъ, вотъ онъ...— показываетъ „бицепсистъ“ золотой массивный жетонъ, который на солнцѣ такъ и блеститъ разноцвѣтными огнями.

— Значитъ „вспрыски“?..

— Непремѣнно, я и зашелъ-то за тобой съ этой цѣлью... И атлеты веселые, счастливые, насвистывая какую-то арію, направляются въ ресторанъ.

Изрѣдка въ Москвѣ устраиваются атлетическіе вечера, на которые собирается всегда такая масса зрителей, что даже иногда и билетовъ не хватаетъ. Расклеенные разноцвѣтныя афиши, чуть-ли не аршинными буквами гласятъ, что въ первый разъ выйдетъ какой нибудь знаменитый „чемпіонъ“, который кромѣ всевозможныхъ упражненій съ тяжестями—„выжметъ“ одной рукой восьмипудовую штангу и „побьетъ“ міровой рекордъ, созданный „чемпіономъ“ прибалтійскаго края Хакеншмидтомъ. Атлеты участвующіе на вечерѣ, готовятся, торопятся, и даютъ разныя „инструкціи“ служащему при аренѣ:

— А ты, Петръ, не вздумай одинъ тащить

мою штангу-то... вѣдь въ ней восемь пудовъ,—говоритъ „герой“ назначеннаго вечера, „пріѣхавшій изъ Петербурга“, какъ гласитъ афиша, именуя его „звѣздой Петербургскаго атлетическаго клуба“. Но на самомъ дѣлѣ эта „звѣзда“ чуть-ли ни годъ живетъ въ Москвѣ, не имѣя денегъ на билетъ, чтобы обратно выбраться въ родной Питеръ.

— Что вы?!. Что вы?!.—удивленно восклицаетъ Петръ,—въ ней и пяти-то пудовъ нѣтъ!.. я давеча ее вѣшалъ...

— Мало-ли что!.. а для публики-то она будетъ извѣстна за восьмипудовую... вы несите-то ее человѣкъ пять...

— Ого!..—снова восклицаетъ Петръ,—я и то прошлый разъ наслушался господина Лимонадова, да сдуру-то и распорядился, чтобы „двойникъ“ несли трое, а въ публикѣ-то смѣхъ!..

— Еще-бы вы двадцать человѣкъ ухватились!.. и опять-же двухпудовую гирю видно, и всякъ знаетъ, что это „двойникъ“, а моя-то штанга такая на видъ огромная, что всякій даже дуракъ и тотъ повѣритъ, что въ ней много вѣсу...

— Петръ, пожалуйста, голубчикъ, несите

мою штангу вотъ ту, въ три пуда, трое или даже четверо!..—говоритъ какой-то толстый, съ необыкновенно-большимъ брюхомъ атлетъ, любуясь передъ зеркаломъ своими „бицепсами“.

— Хорошо-съ... хорошо...—покорно отвѣчаетъ Петръ, слушается атлетовъ и дурачитъ зрителей. Штангу въ четыре пуда, для пріѣзжей Петербургской „звѣзды“ еле тащатъ спотыкаясь четверо дюжихъ молодцовъ, да еще пятый бѣжитъ на подмогу. Двухъ-пудовую гирю съ трудомъ несутъ двое и т. д. Кончился вечеръ... Публика еще не выходила изъ цирка, и дружно вызываетъ Петербургскаго „чемпіона“, который своей чудовищной силой и необыкновенной ловкостью, поразилъ всѣхъ и каждаго. Петръ торопится домой; и мечтая о вкусныхъ щахъ съ говядиной и сладкомъ снѣ, совсѣмъ забылъ „инструкціи“ атлетовъ, и не обращая вниманія на публику, начинаетъ „по своему“ убирать и энергично разбрасывать направо и налѣво „тяжести“. Съ огромными, дутыми шарами „восьмипудовая“ штанга, которую едва тащили четверо—легко отбрасывается въ сторону, и ударяясь о землю производитъ

дребезжаніе. А „двойники“ и всевозможные „бульдоги“ грандіозныхъ размѣровъ, такъ и летятъ по воздуху!..

Особенно любятъ атлеты борьбу, и непремѣнно „французскую“, въ которой почти всегда происходятъ ломанія рукъ, ногъ, а то и головы—смотря потому насколько разсвирѣпѣютъ борцы, и какъ имъ на умъ-разумъ взбредетъ. „Французская“ борьба состоитъ изъ множества пріемовъ, такъ называемыхъ, „триками“ и основана исключительно только на ловкости, сила-же въ этой борьбѣ играетъ очень неважную, незначительную роль. Атлеты-ученики любятъ бороться „насторонѣ“ со своими товарищами не атлетами, которыхъ они обучаютъ бороться показывая „трики“ (ни всѣ, конечно, благодаря чего почти всегда и побѣждаютъ).

Для этого они цѣлымъ кагаломъ отправляются въ Сокольники или Петровскій паркъ, и на зеленой травкѣ устраиваютъ арену и по „атлетически“ ломаютъ другъ другу ребра. А сколько серьезности, сколько формальностей, въ этой глупой борьбѣ!.. Точно какое великое дѣло

совершается!.. Ужъ такъ серьезны и сосредоточены тупыя физіономіи борцовъ—просто страхъ!.. Вотъ на лужайкѣ въ Сокольничьей рощѣ остановилась компанія атлетовъ. Облюбовавъ эту лужайку, они рѣшили устроить на ней борьбу, и молодая бархатистая травка должна погибнуть подъ мощными ногами борцовъ.

— Вотъ здѣсь, господа, устроимъ борьбу,— объявляетъ какой-то безусый юноша съ прыщеватымъ краснымъ лицомъ, и маленькимъ носомъ, на подобіе луковицы.

— И отлично!.. лужайка превосходная...— соглашается другой, ростомъ въ „коломенскую“ версту, „жиденькій“ атлетъ, сбрасывая съ себя пальто и шляпу.

— Ну, сейчасъ, господа, чья борьба?.. – спрашиваетъ съ необыкновенно-лохматыми бакенами, маленькаго роста, коренастый атлетъ въ фуфайкѣ.

— Моя, съ Плюшкинымъ!..—отзывается „жиденькій“ атлетъ, и тонкія длинныя, словно жерди, ноги его, затряслись отъ страха, точь-въ-точь какъ у „всемірнаго силача въ отставкѣ“ Моора, передъ борьбой съ Пытляснинскимъ, въ саду „Акваріумъ“. На арену

выходитъ Плюшкинъ, напоминающій своею мощной неуклюжей фигурой медвѣдя, а взглядомъ исподлобья и медленными лѣнивыми движеніями—Московскаго силача и профессора „швейцарской“ борьбы, Аѳанасія Ивановича Солдатченкова, который на сцену всегда появляется вяло, нехотя, и имѣетъ видъ, не умытаго, не чесаннаго, только что поднявшагося съ постели—лѣнтяя.

И такъ на арену выходитъ Плюшкинъ, напоминающій собою медвѣдя и отчасти Солдатченкова. Онъ не атлетъ, не въ фуфайкѣ. Засучивъ рукава сорочки и обнаживъ свои толстыя бревнообразныя руки, у него не видно никакихъ „бицепсовъ“. Кругомъ встали „судьи“ наблюдать за борцами.

— Ну, начинайте!..—скомандывалъ одинъ изъ „судей“, смотря на свои часы,—борьба пять минутъ...

Борцы сошлись...

Начались разныя увертки, хватанія за голову, дерганія за руки, со стороны „жиденькаго“ атлета. Плюшкинъ не знаетъ никакихъ „триковъ“. Онъ съ ловкостью молодого медвѣдя, крѣпко обхватываетъ талію своего противника, ломаетъ его, и однимъ взма-

хомъ кладетъ на оба плеча „по всѣмъ правиламъ искусства“.

— Есть!.. Есть!..—кричатъ нѣкоторые изъ „судьевъ“.

— Не былъ! не былъ!.. убирайтесь къ чорту!.. на одномъ плечѣ только былъ!..—кричитъ на всю рощу, стараясь перекричать товарищей, „жиденькій“ атлетъ, вскочившій на ноги и потирая свою поясницу.

Происходитъ споръ, шумъ, брань...

Одни кричатъ—„былъ“, другіе—„не былъ“.

Наконецъ, послѣ обильной ругани, спора и шума на всю рощу, назначается между Плюшкинымъ и „жиденькимъ“ атлетомъ—«реваншъ».

Борцы опять сходятся...

„Судьи“ зорко слѣдятъ за ходомъ борьбы, у всѣхъ чаще бьются пульсы, всѣ сосредоточили свои мысли только на борьбѣ.

— Господа, этакъ стало быть не годится озорничать... пожалте въ участокъ!...—вдругъ раздается грозный басъ позади „судьевъ“.

Всѣ вздрагиваютъ отъ неожиданности, оборачиваются назадъ и видятъ рослую широко-

плечую фигуру сторожа съ мѣдной бляхой на груди.

— Ишь вѣдь, какъ землю вскопали!.. пожалте въ участокъ!..—снова повторяетъ онъ, и приставивъ къ губамъ свистокъ, пронзительно-протяжно трещитъ на всю рощу. Появляются другіе сторожа... Атлеты начинаютъ просить помилованія, предлагаютъ „мировую“, но увы!.. Неподкупные сторожа ни на что не соглашаются, и атлеты, окруженные цѣлой ватагой уличныхъ ребятишекъ и сторожей идутъ въ участокъ.

— А и правда, господа, занесла насъ нелегкая въ Сокольники-то!.. вотъ теперь и отвѣчай!.. лучше-бы ужъ гдѣ нибудь устроили борьбу-то...—говоритъ одинъ изъ „судей“, боявшійся участка больше всего на свѣтѣ.

— А гдѣ-бы это по твоему?..—злобно вопрошаетъ другой „судья“,—въ номерѣ что ли моемъ?.. Тогда и такъ съ борьбой-то четыре стула сломали, да лампу вдребезги раскололотили...

— Это вотъ все Ватрушкинъ придумалъ... говоритъ какой-то роскосый, вродѣ зайца юноша, и показываетъ на „жиденькаго“ ат

лета, который идетъ впереди всѣхъ, печально понуривъ голову.

— Что на меня-то сваливаешь?!.—огрызается онъ;—а ни ты-ли, косой дьяволъ, съ самой Пасхи галдилъ:—„пойдемте, да пойдемте въ Сокольники бороться“!..—А теперь людей винить?!.

— Что ловко тебя Плюшкинъ-то приложилъ!..—кричитъ „косой,“ подзадоривая „жиденькаго“ атлета.

— Нѣтъ, братъ, борьба „вничью“ кончена... я на одномъ плечѣ былъ, да и то лишь потому, что чувствую себя немного нездоровымъ.

— Ужъ ни „болотная-ли“ лихорадка?!..—съ ироніей спрашиваетъ „косой,“—а то вонъ Моръ, какъ что нибудь до него коснется, вродѣ вызова на серьезную борьбу, или состязаніе на гиряхъ, такъ у него сейчасъ одна лишь отповѣдь:—„не могу, друзья, со мной ужъ третій день „болотная“ лихорадка“...

— Замолчи, собака!..—кричитъ разсердившійся „жиденькій“ атлетъ,—а то въ физіомордію получишь!..

— Какже!.. неравно я не посмотрю, что ты атлетъ, да такъ свисну, что по уши въ землю уйдешь!..

Перебранка продолжается... Атлеты-борцы подъ конвоемъ сторожей входятъ въ участокъ.

Хорошо, ахъ хорошо атлетамъ у коихъ у родителей „сундуки ломятся“, но плохо тѣмъ, у кого „ни кола, ни двора, жетонъ—весь пожитокъ“... Плохо живется такому атлету, и ни очень-то весело заниматься атлетикой!.. На пустой-то желудокъ много не „выжмешь“, а чтобы наполнить его, нужно кое что приготовить. И начнетъ тогда бѣдный атлетъ придумывать „обороты“ и устраивать всевозможныя „комбинаціи“. Вотъ по Кузнецкому мосту, по направленію къ городскому ломбарду, идетъ „атлетической“ походкой какой-то юнецъ, и не смотря на свои худые, стоптанные сапоги и пустой желудокъ, выступаетъ важно, медленно, поддерживаясь вѣроятно весьма разумной пословицѣ:—„ѣшь солому, а форсъ ни теряй“. Другой-же юноша, шедшій по другой сторонѣ

улицы, напротивъ, какъ-то съежился весь, и печально понуривъ голову „семенитъ“ ногами, на которыхъ такъ-же, какъ и у перваго юноши стоптанная, дырявая обувь.

Въ концѣ улицы они сходятся... Здороваются...

— Далеко-ли путь держишь?.. — спрашиваетъ первый юноша.

— Да вотъ это, хочу тово... — отвѣчаетъ другой и показываетъ пару серебряныхъ жетоновъ, въ видѣ звѣздочекъ.

— Такъ пойдемъ вмѣстѣ...

— А ты развѣ тоже тово?..

— Да...

— Жетоны?..

— Нѣтъ, ужъ они давно „тамъ“...

— А сейчасъ-то что же?..

— Да вотъ, хочу хоть послѣднія сандаліи „по-боку“!..—съ досадой отвѣчаетъ юноша и тычетъ въ свертокъ изъ газетной бумаги. — Вѣришь-ли со вчерашняго дня, крохи во рту не было!.. жрать какъ собакѣ хочется!..

— Ну, а въ чемъ-же ты, если сандаліи-то

заложишь, „на вечерѣ-то“ будешь участвовать?.. вѣдь завтра „вечеръ“ въ манежѣ!..

— Что же изъ этого?.. можно и въ калошахъ выйдти...

— Какъ въ калошахъ?!! ты съума спятилъ!..

— А очень просто!.. и удивляться нечему... вѣдь выходилъ-же тогда въ циркѣ, на вечерѣ баронессы Кистеръ, атлетъ Шемякинъ въ калошахъ...

— Это пріѣзжій изъ Петербурга-то?.. длинный такой?..

— Да, да, онъ еще съ Хакеншмидтомъ, въ числѣ другихъ, боролся на „французской“.

Юноши-атлеты, входятъ въ „общество кредита,“ а часъ спустя сидятъ уже въ кухмистерской, плотно заправляются и весело болтаютъ. Тема разговора — дорогая атлетика!..

Чтобы быть всегда и всюду побѣдителемъ во всѣхъ отношеніяхъ — для этого не достаточно еще обладать одной только физической силой. Умъ, храбрость, самообладаніе, твердая, желѣзная воля — вотъ поработители все

и вся, и человѣкъ, обладая подобными драгоцѣнными качествами, никогда нигдѣ не пропадетъ, и не потеряетъ присутствія духа, даже въ самыхъ неожиданныхъ, ошеломляющихъ случаяхъ. А то и силача, не имѣющаго самообладанія, храбрости, всякій можетъ обидѣть, и любой поршивецъ своею храбростью, находчивостью, собьетъ его съ „понталыку“ и въ лучшемъ видѣ, что называется по „первое число“ всыплетъ ему и въ хвостъ и въ гриву!..

Вотъ примѣръ:

Не такъ давно въ зимнемъ театрѣ Омона „работалъ“ съ гирями одинъ извѣстный Московскій силачъ С. М.**... „Работалъ“ онъ правда красиво, хорошо и публика восхищалась имъ и много апплодировала ему. Во время антракта силачъ вышелъ въ буфетъ, и изъ-за чего-то затѣялъ ссору съ артистомъ этого театра—тщедушнымъ, маленькимъ негромъ, но къ великому несчастію силача, негръ-то этотъ былъ знаменитый боксеръ, съ большимъ успѣхомъ выступавшій уже не разъ на атлетическихъ вечерахъ. Не будучи въ силахъ перенести обиду и оскорбленія, нанесенныя силачомъ, самолюбивый негръ, пре-

спокойно снимаетъ манжеты, заходитъ впередъ силача, и безъ всякихъ разговоровъ, начинаетъ лупить его по-„англійски“. Бѣдный „чемпіонъ“ до того растерялся, что и могучія руки свои, съ огромными стальными „бицепсами“ опустилъ какъ плети; а храбрый негръ-боксеръ отплативъ за обиду, прехладнокровно, не торопясь пристегивалъ манжеты, и съ презрѣньемъ, насмѣшливо мѣрилъ съ ногъ до головы и обратно, рослую, мощную фигуру силача, лицо котораго было порядкомъ таки побито!..

Первѣющая образцовая атлетическая арена въ Москвѣ—это арена баронессы Т. С. Кистеръ, большой любительницы и страстной поклонницы атлетическаго спорта. „Толканія“, „выжиманія“ и всякая чепуха происходятъ тамъ по системѣ доктора Краевскаго (директора Петербургскаго атлетическаго клуба) и самого барона Кистеръ, весьма и очень даже опытнаго знатока атлетики; благодаря чего ученики его арены, отличаются особенной красотой въ „работѣ“ съ гирями, и очень быстро по вступленіи на арену, наживаютъ

превосходную грыжу, на которую впрочемъ баронъ не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія и увѣряетъ, что грыжа—пустяки, на которые не слѣдуетъ обращать вниманія, а попрежнему заниматься подъемомъ гирь, и стараться увеличить свои рекорды.

Баронесса Кистеръ, какъ директрисса арены и вдобавокъ страстная, что называется, „до мозга костей“ любительница атлетическаго спорта, очень часто, почти каждый день въ часы „занятій“, (кстати важное дѣло-то!) посѣщаетъ арену, и ничуть не стѣсняясь, такъ просто, свободно разсматриваетъ и любуется „мускулатурой“ атлетовъ, которые такъ-же въ свою очередь не стѣсняясь ея присутствія, обыкновенно при усердной тренировкѣ, остаются совершенно почти, въ прелестнѣйшемъ костюмѣ предка нашего Адама...

Не такъ давно, въ Москвѣ открылась новая атлетическая арена, или нѣтъ, лучше не арена, а „атлетическій пріютъ“. Это названіе очень подходящее, такъ какъ всѣ „выставленные“ съ арены Кистеръ за провинности ученики и даже извѣстные атлеты, какъ на

примѣръ г. Солдатченковъ и г. Овербекъ, находятся теперь въ этомъ „пріютѣ“ и благополучно „выжимаютъ“ всѣ находящіяся тамъ тяжелыя гири. Директоръ, или основатель „пріюта“—Иванъ Ивановичъ Наумовъ. Какъ человѣкъ коммерческій (торгуетъ кружевами въ Верхнихъ Торговыхъ рядахъ) онъ гораздо больше, конечно, думаетъ о наживѣ, нежели о „процвѣтаніи“ своего „пріюта“ и объ ученикахъ, которые, оставшись теперь совершенно безъ преподавателя, „толкаютъ“ и „выжимаютъ“ какъ попало, и что попало, а изъ такого неправильнаго, безпорядочнаго занятія ничего хорошаго, кромѣ вреда для здоровья не выйдетъ, и безъ опытнаго, практичнаго руководителя, хоть какъ не „толкай“—ничего не вытолкнешь!..

Всемірно-извѣстный борецъ В. А. Пытлясинскій, который будто-бы согласился (враки, конечно), съ цѣлью привлечь больше учениковъ преподавать борьбу у Наумова—давно уже выѣхалъ изъ Москвы, кажется въ Парижъ на чемпіонатъ. Практичный и опытный знатокъ по гирямъ Сергѣй Ивановичъ Дмитріевъ (по сценѣ—Сержъ Морро, который по правдѣ сказать могъ-бы кое-чему хорошему

научить учениковъ) почему-то разошелся съ Наумовымъ и ушелъ съ его арены. Такъ скажите на милость, любезный читатель, кто же теперь изъ мало-мальски понимающихъ атлетику и борьбу, и хоть чуть порядочныхъ преподавателей остались въ жалкомъ пріютѣ?.. На этотъ вопросъ можно смѣло и категорически отвѣтить—никого!.. если не считать въ настоящее время, оставшихся на аренѣ „преподавателей“, которые равнымъ счетомъ ничего не понимаютъ въ атлетикѣ!.. Однимъ словомъ „торговцу кружевами“, изобрѣтательнѣйшему Ивану Ивановичу, ей-Богу не слѣдовало бы браться не за свое дѣло, и не совать бы свой носъ туда, куда ни слѣдуетъ! Онъ вѣроятно совершенно забылъ нравоучительную басню Крылова „щука и котъ“; начало которой, ужъ такъ и быть напомнимъ ему:

„Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ,
„А сапоги точать—пирожникъ“ и. т. д.

Впрочемъ, я вполнѣ увѣренъ, и заранѣе утѣшаю себя тѣмъ, что Иванъ Ивановичъ, господинъ Наумовъ, такъ-же раскается въ

обученіи атлетикѣ, какъ раскаялась и щука въ неподходящемъ для нея ремеслѣ, ловлѣ крысъ, и очень скоро (скорѣе бы Богъ далъ!) со всѣми своими тяжеловѣсными штангами, гантелями и „бульдогами“ съ тріумфомъ вылетитъ въ „трубу“, и отъ его атлетическаго „пріюта“ останется одно лишь непріятное воспоминаніе!..

Нѣсколько словъ о борьбѣ въ саду „Акваріумъ“. 1898 года 2 іюля, въ саду „Акваріумъ“ состоялась борьба двухъ знаменитыхъ кулачныхъ дѣлъ мастеровъ: г. Пытлясинскаго и г. Моора.

Зрителей привалило видимо-не-видимо. На лицо, всѣ представители кулачной интеллигенціи. Тутъ и охотнорядскіе мясники, и воспитанники атлетической арены, и много другихъ „выдающихся“ лицъ. Пара дворниковъ, да нѣсколько легковыхъ извощиковъ заключали это фешенебельное собраніе. Въ сторонѣ, въ качествѣ почетныхъ гостей, родственные атлетамъ по умственному развитію—велосипедисты, еще дальше—нѣсколько дилетантовъ-лыжниковъ и сбродъ лицъ без

какихъ-либо опредѣленныхъ занятій, короче говоря—спортсменовъ.

Позвольте сдѣлать необходимую оговорку. Въ числѣ присутствующихъ, помимо вышеназванныхъ двуногихъ, я замѣтилъ и немало лицъ, принадлежащихъ къ интеллигентнымъ слоямъ общества.

Наглядно и поучительно... Стало быть, quod licet bœri, licet et zori...—иначе я никакъ не могу уяснить себѣ, какіе мотивы въ состояніи побудить людей совершеннолѣтнихъ и повидимому вполнѣ развитыхъ, съ напряженнымъ вниманіемъ, и при учащенномъ біеніи пульса созерцать такое грубое зрѣлище, какъ эта борьба.

Кто побѣдитъ въ неравномъ спорѣ,
Кичливый ляхъ, иль вѣрный россъ?..

Мысленно разсуждали собравшіеся, благоговѣйно осматривая грандіозныя „статьи“ обоихъ героевъ.

Кто побѣдитъ?.. – вопросъ, на который сразу не такъ-то легко отвѣтить.

Пытлясинскій... Мооръ-Преображенскій, тобишь – Знаменскій... Каждый изъ нихъ по своему геніаленъ.

Если у перваго икры выдаются, какъ шишки на лбу у Сократа (признакъ ума, и усиленной работы мысли), за-то у другого, между плечъ въ четырехмѣстномъ шарабанѣ проѣхать можно, да по бокамъ еще пара одиночныхъ пролетокъ умѣстится.

Толпа это ясно сознаетъ, и уваженіе къ героямъ растетъ съ каждой минутой.

Но, чу! Воцарилась мертвая тишина, — наступаетъ рѣшительный моментъ...

Что это была за величественная картина!..

Когда пошли горами по небу синія тучи и Мооръ, изламываясь между мускулистыми кулаками Пытлясинскаго, и весь посинѣвъ на мощной груди его спряталъ свое лицо, какъ „прячется въ саду малиновая слива“, а Пытлясинскій, коверкая Моора, сразу освѣтилъ весь атлетическій міръ...—страшенъ былъ тогда Мооръ!

Синій, синій... и все-же нѣтъ ему равнаго въ мірѣ!..

Борьба была, „французская“. Между французской борьбой и русской—весьма существенная разница.

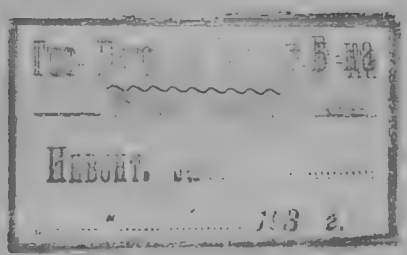
Русская борьба, въ большинствѣ случаевъ происходитъ такъ: встрѣчаются два пьяныхъ

субъекта и начинаютъ дубасить другъ друга, что называется, и въ хвостъ и въ гриву. Результатъ всякой русской борьбы, всегда одинъ и тотъ-же: появленіе городоваго, участокъ и протоколъ „за нарушеніе тишины и спокойствія въ публичномъ мѣстѣ“.

Французская борьба, происходитъ нѣсколько иначе: два субъекта приступаютъ къ взаимному освѣщенію физіономій по строго опредѣленной системѣ.

При этомъ, не смотря на то, что и эта драка, происходитъ въ публичномъ мѣстѣ, участники ея, не только не привлекаются къ какой-либо отвѣтственности, но еще и награждаются, шумными аплодисментами невѣжественной толпы.

О, вѣкъ просвѣщенья, вѣкъ учености!..



Цѣна 25 копѣекъ.

КОПИРОВАНИЕ
3.12.03.